

И.В. ОХРЕМЕНКО

**ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА
КОНЦА 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА**

Учебное пособие

В двух частях

Часть 2

Волгоград 2002

ББК 60.550.51я73
О-92

Рецензенты:

д-р филос. наук, доц. *Л.М. Путилова* (ВФ ВЗФЭИ);
канд. филос. наук, доц. *С.Н. Михайлов* (ВГТУ)

Охременко И.В.

О-92 Электоральное поведение: социологическая ретроспектива конца 90-х годов XX века: Учебное пособие: В 2 ч. Ч. 2. — Волгоград: Издательство ВолГУ, 2002. — 56 с.

ISBN 5-85534-561-0

Пособие посвящено проблемам содержания и качественным характеристикам массового сознания.

Предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей и всех интересующихся политической социологией.

ISBN 5-85534-561-0

© И.В. Охременко, 2002
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Вторая часть пособия представляет собой анализ тенденций в изменении менталитета российского электората, происходивших в 1996—1998 годы XX века.

В пособии используются данные вторичного анализа следующих социологических исследований:

1. Исследование факторов и мотивов электорального поведения в ходе подготовки выборов Президента РФ, а также в ходе самих выборов, проведенных 1—10 марта 1996 года, за 3 месяца до президентских выборов. Исследование было подготовлено и проведено информационно-социологическим центром РАГС (научный руководитель — проф. В.Э. Бойков). В опросе приняло участие 3000 респондентов из 16 регионов — субъектов РФ, репрезентирующих основные территориальные общности, социально-профессиональные и возрастные группы избирателей.

2. Социологическое исследование о влиянии субъективного фактора на развитие политического процесса, проведенное информационно-социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ с 15 по 25 июля 1998 года. Социологический опрос проведен по общероссийской квотной выборке с применением принципа вероятного отбора респондентов на завершающем этапе ее реализации. Объем выборочной совокупности опрошенных характеризуется следующими данными:

- численность опрошенных — 1628 человек в 16-ти субъектах РФ;
- численность опрошенных государственных служащих — 1184 человека, представляющих работников ведущих и более высоких групп должностей реестра госслужбы РФ;
- численность опрошенных представителей политической элиты — 92 человека, среди которых губернаторы, заместители губернаторов, лидеры политических партий и движений, руководители региональных СМИ.

3. Репрезентативный общероссийский социологический опрос по проблеме последствий экономического кризиса и его влияния на политические предпочтения и ориентации граждан России, проведенный в конце октября 1998 года Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИС и НП).

Опрос проведен во всех территориально-экономических районах страны (согласно районированию ГСУ РФ), а также в Москве и Санкт-Петербурге. По квотной выборке было опрошено 2000 респондентов, представляющих 11 социальных групп населения: рабочие предприятий, шахт истроек; инженерно-техническая интеллигенция; гуманитарная интеллигенция; работники торговли, сферы бытового обслуживания; транспорта и связи; служащие; предприниматели малого и среднего бизнеса; военнослужащие и сотрудники МВД; жители сел и деревень; городские пенсионеры; студенты вузов; безработные.

4. Всероссийское исследование «Россия над пропастью: социополитическая ретроспектива 90-х годов» (Институт социально-политических исследований РАН; руководители — академик Г.В. Осипов, д-р социол. наук В.К. Левашов), 1998 г., режим мониторинга.

ТЕМА 1. ПРОБЛЕМА НЕУЧАСТИЯ РОССИЙСКИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В ГОЛОСОВАНИИ

Социологическое исследование электорального поведения предполагает не только анализ теоретических моделей, но и поиск эмпирических объяснений поведения индивидов и различных социальных групп в ходе избирательных кампаний.

Практическая и политическая значимость такого подхода очевидна, особенно для современной российской действительности. Последнее десятилетие в жизни России ознаменовалось бесконечной чередой избирательных кампаний, ставших своеобразными вехами демократических преобразований. Подобную роль в советскую эпоху выполняли партийные съезды. Однако, по сравнению с последними, выборы в органы представительной власти в пореформенной России происходят практически перманентно и выполняют важнейшую функцию формирования электоральной политической культуры населения.

Анализ российских избирательных кампаний вкупе с изучением аналогичного зарубежного опыта и разработкой оптимальных теоретических моделей может способствовать подлинно научному познанию такого сложного социального феномена, как электоральное поведение граждан, в том числе внутренних механизмов и мотивационных факторов этого поведения.

В данном пособии в качестве основного исследовательского метода избран вторичный анализ данных всероссийских социологических опросов 1996—1998 гг.

Анализируемые исследовательские проекты, отвечая в целом критерию репрезентивности, характеризуют основную тенденцию развития исследовательской практики от явного крена в сторону изучения эффективности электоральных технологий, то есть решения проблемы «Как победить на выборах», к всестороннему анализу социальных факторов и социально-психологических механизмов электорального поведения.

Такой анализ позволяет выделить преобладающие типы электорального поведения, основные факторы, влияющие на его мотивацию.

Вопрос об участии или неучастии избирателей в волеизъявлении путем голосования на выборах принципиально значим по двум обстоятельствам.

Во-первых, ответ на него позволяет объективно судить о реальном месте той или иной группы избирателей в системе политических отношений данного общества. Во-вторых, он дает истинное представление об уровне электоральной политической культуры населения.

Некоторые отечественные авторы ставят знак равенства между абсентеизмом и неучастием в голосовании. Думается, это не вполне корректная позиция. «Абсентеизм действительно превращается в проблему лишь в том случае, если неучастие в выборах является как минимум показателем отчуждения граждан от политической сферы жизни общества, как максимум — формой пассивного протеста. Другими словами, абсентеизм мы связываем с неучастием, которое вызывается стойким неверием в то, что с помощью выборов можно решить значимые для общества (себя, идентифицируемой группы) проблемы; недоверием в справедливость подсчета голосов, другим процедурным вопросом; апатией граждан к политике»¹.

Известно, что во всем мире отмечается тенденция снижения активности избирателей, и это не может не тревожить специалистов. Невозможно говорить о «всенародном избрании», если за кандидата голосует всего лишь несколько процентов избирателей. По мере уменьшения количества голосующих уменьшается и степень легитимности новой власти, получившей мандат на правление по итогам выборов; выборы перестают быть средством нахождения консенсуса в обществе, то есть не выполняют в той или иной мере многие свои важнейшие функции — как по отношению к обществу в целом, так и по отношению к отдельным группам населения в частности.

Дело в том, что социальная структура голосующих далеко не адекватна структуре избирателей в целом. Некоторые группы населения (в особенности, социально ущемленные слои общества) приходят к урнам в день голосования гораздо реже, чем средний избиратель.

Соискатели мандатов депутатов знают это, но, как правило, не обращают внимания на такие группы. В результате интересы малоимущих оказываются не представленными в органах власти, что закрепляет их ущемленное положение в обществе.

Фактически это ведет к дискриминации определенных групп общества и не может расцениваться как проявление демократии

(мол, право голосовать тебе предоставлено, а хочешь ли ты им пользоваться или нет — твое дело).

В свете вышесказанного причины неявки избирателей к урнам целесообразнее всего сгруппировать следующим образом.

1. Причины общесоциального и общеполитического характера (отсутствие интереса к политике, отчуждение граждан от власти).

2. Причины, связанные с несовершенством законодательства и работой избирательных комиссий.

3. Причины, связанные с особенностью конкретной избирательной кампании (неинтересные кандидаты, неинтересная агитация и т. п.).

4. Причины случайного характера (погода, состояние здоровья и т. п.).

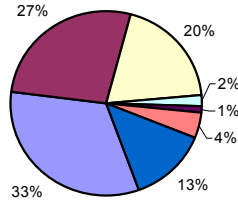
Такая разбивка позволяет взглянуть на проблему с разных позиций и отделить истинных абсентеистов от тех, кого можно отнести к ним лишь условно.

Реальность такова, что после спада интереса населения к выборам в 1993 г. наблюдался его рост. Во втором туре президентских выборов 1996 г. приняло участие почти 70 % избирателей. Это, безусловно, высокий показатель (для сравнения: на ноябрьских выборах президента США к урнам пришло менее 50 % зарегистрированных избирателей).

Чем можно объяснить неучастие российских избирателей в выборах последних пяти лет?

Как показывает анализ, проведенный профессором В.С. Комаровским, среди причин и мотивов отказа от участия в голосовании преобладают обстоятельства общеполитического характера (см. рис. 1)².

К ним относятся в первую очередь отсутствие интереса к политике и неверие в возможность лично влиять на принятие политических решений. Такая позиция характерна и для выборных кампаний локального масштаба, и для общенациональных выборов.

- По случайному стечению обстоятельств-33,3%
- Мой голос ничего не изменит-27,6%
- Не интересуюсь выборами-20%
- Избирательные комиссии не обеспечили соблюдение законодательства-2%
- Кандидаты в неравном положении-1%
- Другое-4,5%
- Никто меня не привлекал-13,7%

Рис. 1. Почему граждане не принимают участия в выборах?

В каком направлении можно определить развитие процесса?

Во всем мире наибольшее число абсентеистов насчитывается среди беднейших слоев населения. Если в России согласно официальной статистике сегодня 1/4 населения имеет уровень дохода ниже прожиточного минимума, то становится понятным, почему этих людей не интересует в жизни практически ничего, кроме тривиальных проблем выживания, причем в самом примитивном, физическом значении. Конечно, доведенных до отчаяния людей можно привлечь на выборы, купив их голоса за пачку чая или бутылку пива, как это не без успеха сделал в свое время известный всем С. Мавроди, но можно ли считать их поведение участием в демократических выборах?

Кризисное состояние сегодня испытывает не только экономика России. Не менее важная составляющая кризиса — это распад социальных связей, потеря нравственных ориентиров и общественных идеалов. Прежние коммунистические идеалы и мораль ушли в прошлое для большинства, а новые не обретенны. Россияне не привыкли жить в идейном вакууме.

Подобную ситуацию в социологической теории по традиции, идущей от Э. Дюркгейма, принято трактовать как состояние социальной апатии, которое не возникает из ничего и не преодолевается в кратчайшие сроки. Апатия инерционна, она по-

рождает эффект равнодушия, минимизирует социальные ожидания и политическую активность населения.

Еще одна важнейшая причина абсентеизма россиян — их отчуждение от власти. По данным различных исследований, более половины россиян не доверяют ни одному из институтов власти. Шоковая терапия, когда миллионы людей были брошены на произвол судьбы, не прошла бесследно и для тех, кто удержался на плаву, выстоял или даже сегодня преуспевает.

Мотивы абсентеизма, связанные с идейным вакуумом, ярче всего, естественно, проявляются в молодежной среде.

Согласно данным исследований, ни один респондент в возрасте 14—18 лет не заявил, что он очень интересуется политикой. Более или менее интересуются политикой 17,1 % этой категории молодежи, а в возрастной группе 20—29 лет 4,4 % и 26,4 % соответственно. Эти же категории избирателей проявили наименьшую активность во время выборных кампаний 1995—1996 гг., особенно на выборах в Государственную думу. Интересна мотивация неучастия в выборах, в особенности группы 20—29 летних, достаточно зрелых, чтобы сделать правильный выбор (рис 2)³.

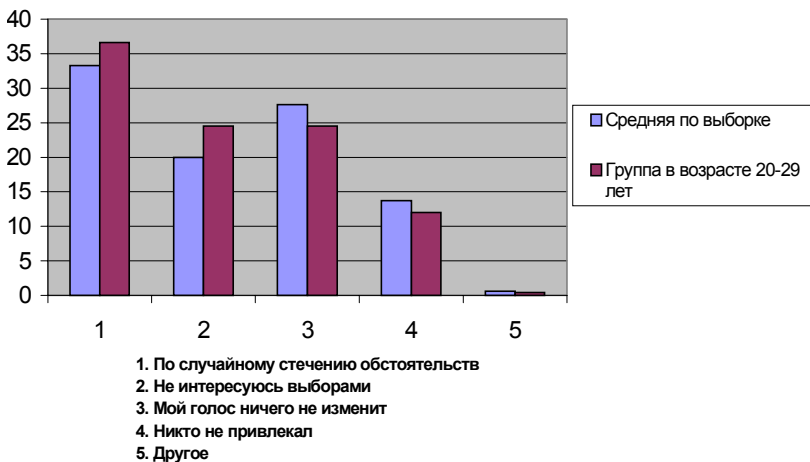

Рис. 2

На первом месте неявики к урнам — «случайное стечение обстоятельств» (36 %). Как показывают результаты анализируемых исследований, реально не голосуют по случайному стечению обстоятельств примерно 8—10 % из намеревавшихся это сде-

вать. В старших возрастных группах цифра несколько больше. Следовательно, ссылки на случайное стечение обстоятельств — часто всего лишь отговорка. То же самое можно сказать о мотиве «никто не привлекал»: а почему, собственно, нужно «привлечь» к исполнению гражданского долга?

Фактически получается, что 2/3 абсентеистов среди молодежи — это равнодушные к политике и государственным делам люди. Это скорее именно равнодушие, чем форма протеста. Отказ от голосования, как выражение протеста, одобряют лишь 17,4 % молодежи в возрасте 20—29 лет. Что-то изменить в их позиции трудно. Вряд ли приходится рассчитывать на серьезный успех еще одной кампании типа «Голосуй, а то проиграешь». Тем более, что во всем мире молодежь также менее активно участвует в выборных кампаниях, и далеко не все можно объяснить только специфическими нынешними условиями России. Колебание может лишь высветить ответ на другой вопрос: вызваны ли явления абсентеизма разочарованием в политике или недостаточным уровнем политической социализации молодежи.

Другое дело, когда речь идет о старших возрастных группах. Их повышенная активность не соответствует складывающимся во всем мире тенденциям.

Объяснение этому феномену и его истокам есть в особенностях нынешней ситуации в России, ее недавней истории. Лица пенсионного или предпенсионного возраста проявляют, по нашим данным, наибольший интерес к политике. Лишь руководители среднего и высшего ранга имеют по этому показателю большее, чем названные группы, отклонение от среднестатистического в положительную сторону. А, как известно, интерес к политике напрямую связан с активностью участия в выборах. Другое дело, каковы истоки этого интереса. Отчасти они лежат в укоренившихся у старшего поколения привычках мобилизационного участия в политических кампаниях, отчасти — в их нынешнем бедственном положении.

Последствия завышенного участия в голосовании старших возрастных групп трудно отнести к явлениям позитивным. И дело здесь не только в том, что голоса отошедших (или отходящих) от активной трудовой деятельности групп избирателей приобретают несоизмеримое с их ролью в жизни общества значение, но и в том, что в борьбе за голоса этих избирателей канди-

даты в депутаты вполне успешно могут использовать демагогические приемы и популистские лозунги, а сами выборы в немалой степени превращаются в состязание демагогов и популистов.

В России большинство не участвующих в выборах можно отнести к классическим абсентеистам, причем их абсентеизм связан, прежде всего, с общим неблагополучием дел в стране, отчуждением от органов власти в политике. Это не только (и не столько) разочарование в выборах, избирательных процедурах, сколько именно в политике в целом. Как минимум — невключенность в политический процесс из-за поздней социализации. В подтверждение нашей позиции приведем данные о мотивах отказа от голосования, связанных с несовершенством законодательства и работой избирательных комиссий. О них можно сказать следующее: сегодня горячие споры о несовершенстве законодательства о выборах, которые ведут между собой профессиональные юристы и политологи, судя по данным социологических исследований, рядовых избирателей волнуют мало.

По причинам, так или иначе связанным с работой избирательных комиссий, не участвуют в голосовании только 2 % избирателей. Можно сказать по этому поводу кратко: проблемы нет, уровень знакомства избирателя с законодательством о выборах, информированности о работе избирательных комиссий не настолько высок, чтобы он мог досконально знать тонкости избирательных процедур. Когда он достигнет такого уровня, возможно появятся соответствующие претензии к избирательному законодательству и избирательным комиссиям.

В совокупности вышесказанное вовсе не означает, что решение проблемы абсентеизма зависит от увеличения числа голосующих. Широкое распространение абсентеизма — болезнь демократии, рецидив олигархического правления (власти немногих). Но одно дело зафиксировать диагноз и другое — предложить рецепты его решения.

В российской политической практике известен один мобилизационный механизм, способствовавший привлечению населения к массовому участию в выборных кампаниях.

Так, был резко поднят интерес людей, далеких от политики, к горбачевской перестройке, а затем к установлению нового политического режима в России. Под лозунгами «Реформы в опасности» и «Пресечь попытки реставрации прежнего режима влас-

ти» россиян мобилизовали на общероссийский референдум 25 апреля 1993 г. и поставили в положение категорического выбора — «да» или «нет». Тогда при минимальном участии населения в политической жизни и низком рейтинге Б. Ельцина на посту Президента для голосования было мобилизовано 64 % списочного состава избирателей. Аналогичный механизм и с еще большим мобилизационным эффектом был использован на выборах Президента России в 1996 г.

Однако мобилизационный механизм подъема политической активности не всегда столь эффективен. На выборах депутатов Государственной думы в декабре 1993 г. и совмещенном с ними референдуме по принятию Конституции России участвовало (по официальным данным) чуть больше половины (54,8 %) списочного состава избирателей. При этом был поставлен своеобразный рекорд — почти 4 % бюллетеней, выданных избирателям, оказались унесенными или испорченными. Политическая реакция населения на насильственный роспуск Верховного Совета оказалась сильнее, чем на «шоковую терапию» экономики и либерализацию цен в 1992 г. Как правило, не действует мобилизационная модель привлечения избирателей на выборах регионального и муниципального уровней, ибо на них не решается судьба власти, а обеспечивается ее дележ между местными группировками.

Исследования Информационно-социологического центра РАГС показывают, что на вербальном уровне большинство участников социологических опросов считает участие в выборах обязанностью гражданина (см. табл. 1)⁴.

Таблица 1

Отношение избирателей к участию в выборах, в % от общего количества опрошенных

Варианты ответов	Время проведения опросов		
	1995 г.	1996 г.	1998 г.
Участие в выборах – обязанность гражданина	73,8	71,2	64,9
Если выборы безразличны, то не нужно в них участвовать	35,7	33,1	37,7
Участие в выборах дает возможность влиять на судьбу страны	61,5	63	нет данных

Полученные данные в целом коррелируют с данными электоральной статистики. Доля участников выборных кампаний 1995—

1998 г. соотносима с долей респондентов, убежденных в необходимости участия в голосованиях. Вместе с тем динамика распределения ответов по времени опроса такова, что доля убежденных в обязательности участия в выборах постепенно сокращается.

Насколько устойчива данная тенденция, пока говорить сложно. Не исключено, что она носит преходящий характер. Пока что около 2/3 населения, имеющего право избирать и быть избранным, считает чувство гражданского долга важнейшим мотивом участия в выборных кампаниях.

Анализ свидетельствует о том, что массовая неявка избирателей на выборы является довольно редким исключением из правил. Однако обращает на себя внимание то, что систематически не участвуют в выборных кампаниях федерального уровня от четверти до половины граждан, имеющих право голоса, а в выборах местного масштаба наблюдается по разным регионам существенный разброс — от почти поголовного участия до срыва выборов из-за неявки избирателей. И хотя доля участников избирательного процесса постепенно растет, однако это не повышает предсказуемость выборов. Отказ от участия в голосовании деформирует или вовсе срывает процесс формирования работоспособных и эффективных органов власти, дестабилизирует социально-политическую обстановку в обществе.

Именно это делает проблему абсентеизма одной из актуальных задач научного анализа и политической практики, от правильного решения которой зависит общественно-политический климат в обществе, отдача от проводимых социально-экономических и политических реформ.

ТЕМА 2. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР МОТИВАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Сама по себе активность участия в выборах мало что говорит специалисту-социологу. Вспомним недавнее коммунистическое прошлое с его 99,9 % голосующих. Сегодня важно знать, как делал свой выбор избиратель, какую совокупность факторов и обстоятельств он принимал во внимание, что он знает о кандидатах и выборах, что, наконец, значат эти выборы для него

лично. Иными словами, каков уровень социального самочувствия и электоральной культуры избирателя.

Исследователи Информационно-социологического центра РАГС ставят проблему шире. Речь идет о социальной обусловленности политических установок избирателей⁵.

Анализ результатов опроса на основе непараметрических тестов, а именно, метода ранговых корреляций Кенделла, дал возможность выявить латентные характеристики группового политического сознания и сравнить выявленные группы между собой.

Главная закономерность, получившая эмпирическое подтверждение, состоит в том, что структура политических предпочтений российского электората в весьма значительной мере зависит от степени социального расслоения (стратификации) общества. И это создает для социологов огромные трудности в прогнозировании результатов выборов.

Дело в том, что стандартные научно обоснованные выборки опрашиваемых основываются на списках избирателей или иных статистических базах, обеспечивающих реализацию вероятностного метода отбора респондентов. Но насколько эти базы отражают социальное расслоение общества, остается неизвестным. Во всяком случае, ясно одно, что весьма состоятельные люди и, напротив, те, кто оказался на социальном дне (а таких миллионы), по объективным причинам оказываются вне поля зрения социологов.

Результаты опроса показали, что значения коэффициентов ранговой корреляции Кенделла подтверждают существование относительно устойчивой групповой дифференциации политического сознания российского электората, вызванной различиями в материальном (имущественном) статусе (положении) избирателей⁶.

Однако авторы данной точки зрения сами признают, что прямую связь между мотивами электорального поведения и степенью социального расслоения (стратификации) установить крайне сложно потому, что исходная статистическая информация, на основе которой формируется выборочная совокупность опроса, не отражает действительной картины социальной структуры российского общества. А это существенно искажает полученную таким образом первичную социологическую информацию.

Неслучайно авторы используют некую паллиативную методику опроса, пытаясь найти зависимость между антикоммунистичес-

ким характером избирательной кампании Б.Н. Ельцина (1996 г.) и самооценкой материального положения респондентов. Данное сравнение они сами характеризуют как «своеобразное» (см. табл. 2).

Таблица 2

Связь между ответами респондентов на вопрос: «Ельцин неоднократно высказывался о том, что главное — не допустить к власти коммунистов. Прав ли он в этом?» и их оценками собственного материального положения (абсолютные цифры без учета не ответивших на вопрос)

Мнение	Самооценка материального положения					Абсолют. цифры, в скобках – доля среди опрош.
	живут богато	живут прилично	живут от зарпл. до зарплаты	не сводят концы с концами	живут в нищете	
Прав	12	182	363	122	44	786 (27 %)
Не прав	6	132	698	328	139	1331 (45,6 %)
Затрудняюсь ответить	6	101	382	175	80	799
Итого по колонке	24	415	1441	625	263	2916

Kendall's Tau — b 0,09035.

Kendall's Tau — c 0,08961.

Возможность прихода к власти коммунистов на Президентских выборах 1996 г. стала той разделительной линией, по мнению авторов данного исследования, по обе стороны которой поляризовался российский электорат.

Из общего распределения ответов мы видим, что 786 (27,0 %) из опрошенных избирателей одобряли антикоммунистическую позицию Б. Ельцина в избирательной кампании, 1331 (45,6 %) считали, что он не прав.

В таком случае становится малопонятным, почему при перевесе в 1,6 раза голосов противников антикоммунистической линии Б. Ельцина коммунисты и их сторонники потерпели в итоге поражение в 1996 году.

Обратимся в связи с этим к тем респондентам, которые собирались участвовать в голосовании, уже решили, за какого кандидата на пост Президента они будут голосовать, и характеризуют уровень своего материального положения как высокий, средний или низкий. Кластерный анализ их позиций показал,

что относительно сплоченные и устойчивые группы, как говорилось выше, формируются в зависимости от определенного уровня жизни. При этом эмпирически подтверждается, что богатые и обеспеченные группы поддерживают антикоммунистическую линию Б. Ельцина, в то время как те, кто уже не сводит концы с концами или живет практически в нищете, явно не разделяют таких убеждений.

Условность своих выводов о зависимости политических установок от самооценки материального положения респондентов авторы исследования признают и объясняют отсутствием прямой корреляции, особенностями современного переходного состояния российского общества.

Данные исследования показали, что деструктивный характер социального расслоения и поляризации массового политического сознания вызывают смещение политических установок российского электората по сравнению с «нормой» социального порядка, где профессиональная структура населения служит относительно устойчивой базой партийной политической приверженности.

Прежде всего бросается в глаза отсутствие значимой корреляции между уровнями жизни различных групп избирателей и их профессиональным статусом. В конечном счете это приводит к росту маргинальных групп и ситуативности их электорального поведения, когда решение о поддержке того или иного кандидата принимается не на основе устойчивой политической приверженности, а под влиянием колебаний жизненной ситуации. Например, спонтанное решение поддержать определенного кандидата может быть вызвано неожиданной выплатой давно задерживаемой заработной платы или компенсацией потерянного денежного вклада. По меньшей мере, треть электората относится к данной группе. Для этой среды характерны «избирательные фобии», то есть достаточно широко распространенная вера в то, что результаты голосования будут наверняка подтасованными, а сами выборы — это для власти способ обмануть население. Именно эта большая группа избирателей объективно подвержена внушению политической демагогии и способна опрокинуть любые прогнозы.

По нашему мнению, уязвимость методики, использованной данным исследовательским центром, состоит в том, что мотивы электорального поведения — индивидуального и группового — непосредственно «выводят» из социального статуса и со-

циального расслоения, без учета опосредующих звеньев в континууме «принадлежность к социальной группе» — мотивация политического поведения.

Это подтверждается и анализом социально-демографических характеристик электоратов лидеров предвыборной гонки. Так, было зафиксировано, что по показателям возрастного состава и уровня образования электорат Б.Н. Ельцина и Г.А. Зюганова достаточно однотипный⁷.

Очевидно, большей взвешенностью характеризуется позиция тех исследователей, которые полагают, что электоральные установки и предпочтения населения необходимо опосредовать некоторыми промежуточными звеньями, которые позволяют проследить процесс перехода от объективных факторов и самооценки социального, прежде всего материального положения, к формированию установок электорального поведения, которые в конце концов и характеризуют мотивы участия в выборах и тот или иной выбор из возможных альтернатив.

В этом смысле кажется весьма перспективным подход, который предполагает в качестве промежуточного звена социологического анализа особое состояние массового сознания — социальное самочувствие населения, отдельных его групп. Именно социальное самочувствие как социально-психологическое состояние удовлетворенности или неудовлетворенности социальным бытием, испытываемым как отдельными индивидами или социальными группами в контексте места и времени (социальная ситуация), опосредует связь между объективными характеристиками положения в обществе и уровнем политической, в том числе электоральной культурой населения⁸.

С такой точкой зрения согласны М.К. Горшков, В.С. Комаровский, Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко и др. Более того, ряд исследователей характеризуют нынешнее состояние социального самочувствия общества как социальный стресс. Так, М.К. Горшков, чье исследование посвящено событиям второй половины 1998 г. (после дефолта 17 августа), подчеркивает, что хотя «основная эмоционально-чувственная острота после возникшего кризиса у людей успела притупиться, тем не менее, их нынешнее настроение удовлетворительным никак не назовешь. Достаточно отметить, что 3/4 россиян живут ощущениями тревоги, озлобленности и апатии, а свыше половины населения оценивают ситуацию в стране

как катастрофическую. Почти половина населения (48,7 %) определяет нанесенный ущерб как существенный, еще треть россиян (32,4 %) оценила его как катастрофический»⁹.

Иначе говоря, свыше 4/5 населения страны считает себя ошутимо потерпевшими в результате кризиса 17 августа. Только для 10 % респондентов ущерб от кризиса не очень заметен. Таким образом, делает вывод автор, в той или иной степени от кризиса пострадало свыше 90 % населения страны¹⁰.

Не ощутили на себе никакого ущерба только 4 % населения или 4,5 миллиона человек¹¹.

Опираясь на материалы собственного исследования, В.С. Комаровский утверждает, что около четверти взрослого населения страны в последнее время (вторая половина 90-х годов) находится фактически в стрессовом состоянии, постоянно испытывает чувства безысходности, страха и тоски (постоянно растущее количество самоубийств, разводов, алкоголизм, наркомания — прямое подтверждение этому), и еще около 40 % часто бывает в напряженном состоянии, испытывает раздражение¹².

В свете этого становится понятным, почему в России достаточно много избирателей голосует против всех. Так, например, во втором туре президентских выборов в 1996 г. доля проголосовавших против всех составила 6 % от числа пришедших на избирательные участки.

Согласен со своими коллегами — исследователями электорального поведения и В.Э. Бойков, подчеркивающий в одной из последних публикаций, что *доминантой общественного настроения является ощущение надвигающейся и почти неотвратимой катастрофы* (выделено нами. — И.О.).

Нечто подобное заявляют и социологи ИСПИ РАН. В одном из аналитических обзоров указывается, что «общество вошло в состояние глубокой фрустрации — состояния тревоги, потери надежды, осознания обмана. По сути дела, Россия находится в состоянии перманентного коллективного невроза»¹³.

Таким образом, представители различных социологических центров единодушно подчеркивают наличие в российском обществе негативного, угнетенного, стрессового состояния. Более того, практически все они указывают на доминирующую роль негативного социального самочувствия в структуре социальной психологической мотивации электорального поведения.

В числе факторов, которые обуславливают наличие у большинства российских граждан острого личного беспокойства, фигурирует, прежде всего, неопределенность будущего. Тревогу по этому поводу высказали в одном из исследований около 70 % представителей населения и столько же представителей региональной политической элиты и государственных служащих. Опрос показал, что основными причинами тревоги являются длительное общее ухудшение качества жизни в обществе и угроза дальнейшей дестабилизации экономической и политической ситуации в стране¹⁴.

Представление о поводах беспокойства и остроты социального стресса дает рис. 3.

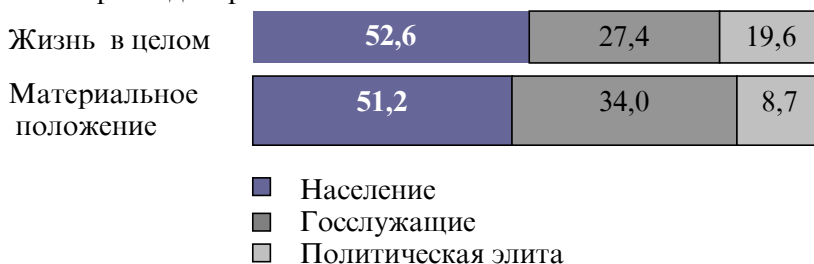

Рис. 3. Отрицательные оценки личного материального положения и жизни в целом (в % от количества каждой категории опрошенных)

Если среди населения более половины респондентов заявили о том, что их не устраивает ни нынешнее материальное положение, ни жизнь в целом, то среди государственных служащих и политической элиты, напротив, свыше 2/3 опрошенных в основном позитивно оценивают качество своей жизни. Судя по материалам исследования, причины опасений у одних и других примерно таковы: большую часть населения в будущем страшит перспектива перемещения на социальное дно, а чиновничество тревожит вероятность утраты социального статуса.

Среди опрошенных рядовых граждан в сравнении с чиновничеством вдвое чаще встречаются респонденты, которые страдают от овладевшего ими чувства одиночества (21,6 % опрошенных) и, наоборот, вдвое реже рассчитывающих на то, что в случае необходимости они могут получить помощь коллектива, в котором работают (24,4 %).

Разрывы социальных связей в обществе и острота субъективного восприятия этого процесса являются важной причиной социально-психологического дискомфорта и предпосылкой суицида.

В ряду очагов роста социальной напряженности, ставших традиционными (угроза безработицы, рост преступности и др.), появился новый источник тревог населения — боязнь потерять все нажитое, которую выразили 45,5 % опрошенного населения и 32,8 % государственных служащих.

Материалы исследования показали также усиление тенденции деградации стимулов и мотивов трудовой деятельности. Причинная обусловленность этой неблагоприятной для общества тенденции не ограничивается экономическими обстоятельствами — спадом производства, сокращением рынка труда, задержкой выплат заработной платы и др. Среди людей, занятых стандартным трудом по найму в государственном или ином секторе экономики, профессиональная принадлежность, квалификация и другие социально-профессиональные факторы (признаки) перестали играть социально-статусную роль. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что нынче любой труд (ученого, шахтера, сталевара, строителя и т. д.) не в почете, ибо не является источником благосостояния и основой для социального самоутверждения.

На вопрос, «кому сейчас хорошо живется в России?», только 17,8 % опрошенного населения ответили — «тем, кто имеет работу». Остальные отнесли к хорошо живущим тех, «кто умеет крутиться» или «у кого много денег». На вопрос, какие именно люди сегодня живут припеваючи, получены следующие ответы (см. табл. 3)¹⁵.

Таблица 3

**Кто в России сегодня живет припеваючи
(в % от количества каждой категории опрошенных)**

	Полит. элита	Работн. центр. аппаратов министерств	Служащие регион. структур власти	Население
Банкиры	65,2	80,9	68,5	59,5
Чинovníки	19,6	5,3	11,3	45,3
Депутаты	20,7	52,7	45,1	43,4
Предприниматели	26,1	32,8	29,7	29,8
Эстрадные певцы, шоумены	33,7	41,2	37,4	24,8

Сумма ответов больше 100 %, так как по методике опроса можно было указать несколько категорий таких людей.

Из распределения ответов видно, что по общему представлению четырех категорий респондентов, участвовавших в данном опросе по уровню благосостояния, значительно опережают всех банкиры. И хотя авторы исследования не уточняют, кого конкретно они имеют в виду (акционеров, менеджеров, рядовых служащих), однако разногласий в оценках, как видим, нет.

Обращает на себя внимание, что на второе место по благосостоянию рядовые респонденты поставили чиновников, то есть тех, кто в данном опросе также принимал участие. При этом сами «чиновники» (партийные функционеры, работники федеральных и региональных властных структур) по результатам самооценивания оказались на последнем месте. Примечательно и то, что представители политической элиты, являющиеся, как правило, депутатами всех уровней, столь же низко оценили благосостояние народных избранников. В то же время работники неполитических органов власти и рядовые участники опроса высказали прямо противоположное мнение. Таким образом, большинство опрошенных считают наиболее благополучными слоями общества банкиров, чиновников и депутатов, предполагая, что в этом «треугольнике» сосредоточено и материальное благополучие, и реальная власть. Это косвенно подтверждает тот факт, что, например, предприниматели, то есть представители реального сектора экономики, по мнению всех категорий респондентов, существенно уступают представителям первых трех групп.

Следует заметить, что данный опрос проводился после августовских событий 1998 года, поэтому его данные отражают пиковое состояние социальных настроений. В этой связи важно выяснить, каким образом на материальном положении, социальном самочувствии населения России отразился финансовый кризис 17 августа.

По данным Независимого института социальных и национальных проблем, 3/4 россиян заявили о том, что очень сильно проиграли в финансовом отношении уже только из-за того, что цены на основные продукты питания и товары поднялись в несколько раз, а зарплата (пенсия) в рублях осталась прежняя. Еще 17 % населения пострадали, по сути, вдвойне: с одной стороны, из-за резкого роста цен, а с другой — из-за сокращения ежеме-

сячных доходов в связи с трудностями, с которыми столкнулись их предприятия. Кроме того, свыше 5 % россиян в связи с кризисом либо потеряли работу, либо оказались перед угрозой ее потери — вынужденно ушли в неоплачиваемые отпуска.

Наконец, 3,2 % граждан главный ущерб от кризиса связывает с тем, что не смогли до последнего времени вернуть свои банковские вклады. Однако, судя по тому, что до кризиса 37,7 % населения предпочитало хранить деньги в банке, в том числе 29,2 % — в Сбербанке, 7 % — в российских коммерческих банках, 1,5 % — в иностранном банке, доля россиян, сумевших «отвоевать» свои вклады, оказалась гораздо значительнее, чем это можно было предполагать. Некоторым помогло острое чутье — они забрали хранящиеся в банках деньги до явной фазы кризиса. Заметим, что приведенные данные о характере ущерба, понесенного населением в результате кризиса, показывают несостоятельность тех СМИ, которые главную суть и основной масштаб этого ущерба усмотрели в том, что чуть ли не все население страны было «кинуто» банками, а основными пострадавшими оказались владельцы денежных вкладов. Как видно, это более, чем миф. Понимая горечь тех, кто до сих пор не в состоянии вернуть свои сбережения (в абсолютных цифрах таковых 3,5 млн человек), все-таки следует признать, что каждодневные проблемы основной массы населения (почти 80 млн человек), вынужденной в рамки прежней зарплаты или пенсии «вмещать» многократно возросшие расходы, несопоставимо острее.

О значительных экономических тяготах подавляющей части россиян свидетельствуют и сравнительные данные об их материальном положении до кризиса и после его возникновения. Если в июне 1998 г. среднемесячный бюджет российской семьи из трех человек (по данным РНИС и НП на основе самооценки) составлял 295 долл., то в октябре уже только 108 долл., то есть в 2,7 раза меньше. О том, как выглядел ранее и каким является ныне среднемесячный бюджет семей разных социальных групп, свидетельствует рис. 4. Не менее убедительно он говорит и о том, насколько резко упала покупательная платежеспособность российского населения.

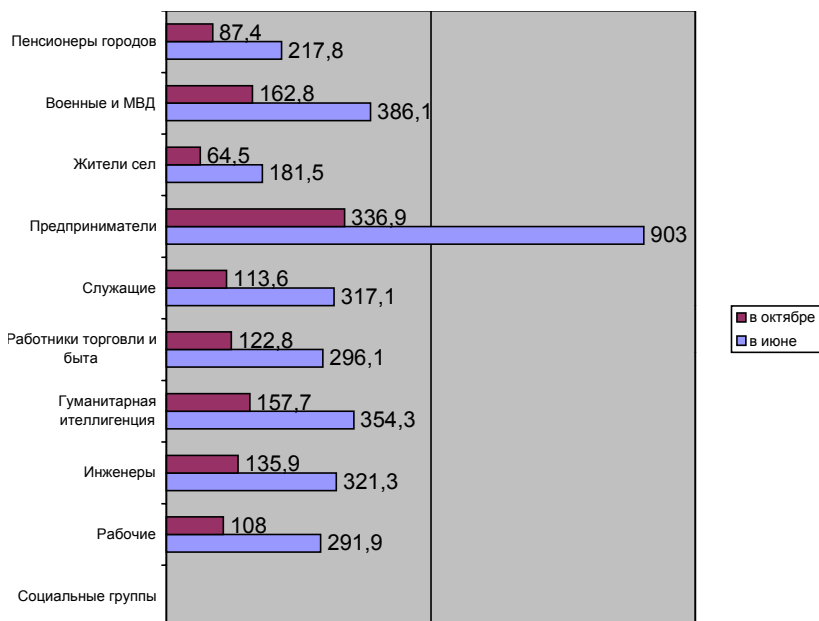

Рис. 4. Среднемесячный бюджет семей разных социальных групп населения (в долл.)

Следует подчеркнуть, что материальное положение россиян и до кризиса было тяжелым, а кризис усугубил его еще больше. Вдвое возросло число тех, кто, по их оценке, оказался за чертой бедности; в 1,5 раза сократилась численность россиян, считавших себя среднеобеспеченными (см. рис. 5).

Более того, многие россияне, реально находящиеся за чертой бедности, все же не хотят признаться в этом и относят себя к низкообеспеченным. Но если судить по оценкам уровня душевых доходов, то половина наших сограждан (49,9 %) — это люди, ежемесячный душевой доход в семьях которых составляет менее 400 рублей на человека, что даже в докризисный период было меньше прожиточного минимума. Еще 24,4 % россиян имеют душевой доход свыше 600 рублей на человека, что с учетом нынешних реальностей может считаться несколько выше черты бедности.

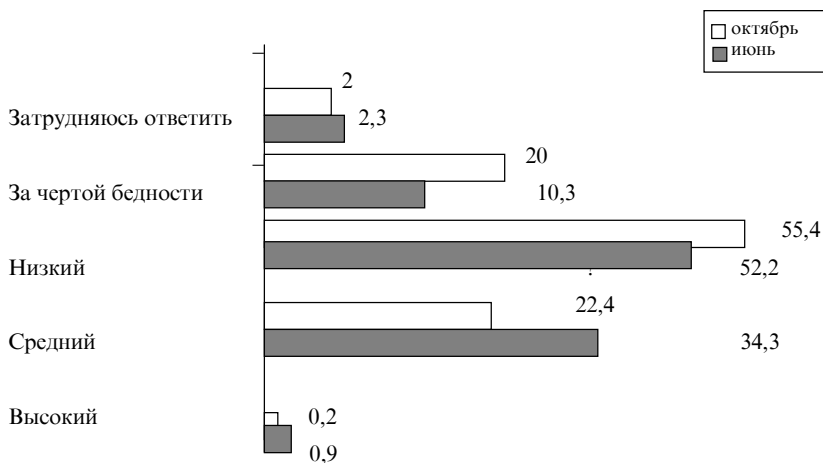

Рис. 5. Уровень материальной обеспеченности россиян согласно их самооценке (в % от количества опрошенных)

Стоит ли удивляться в этих условиях, что главным негативным последствием финансового кризиса для 75 % россиян является рост цен при сохранении прежнего уровня зарплаты. Для 50,4 % тех, чей душевой доход — менее 200 рублей на человека (а таких в октябре 1998 г. оказалось 11,8 % всех опрошенных), это означало, что финансовый кризис нанес им катастрофический удар. Такую же оценку дали ему 40 % тех, чей душевой доход составлял менее 400 рублей. В то же время в группе тех, у кого в семье на каждого человека приходилось ежемесячно свыше 1,6 тыс. рублей, как катастрофические оценили для себя последствия кризиса только 6 % россиян.

На фоне приведенных данных еще одним мифом (также созданным не без участия СМИ) выглядят скоропалительные утверждения о гибели в России среднего класса. Действительно, его прослойка заметно сократилась, однако не настолько, чтобы говорить о его исчезновении. И по имущественным критериям, и по социокультурным основаниям не менее пятой части населения страны и после кризиса продолжает себя относить к средним слоям общества. Косвенным подтверждением этого может служить и уверенность человека в том, выиграл он в целом или проиграл в ходе проводимых в России с 1992 г. реформ. Как видно из данных рис. 6, выигравшими, или, во всяком случае,

не проигравшими считают себя более 20 % россиян, а однозначно проигравшими — почти 2/3 населения.

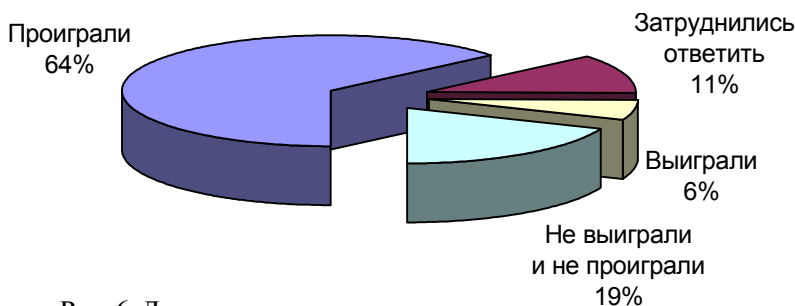

Рис. 6. Доля населения, выигравшего или проигравшего от проводимых в России с 1992 г. реформ, в %

Авторы исследования делают вывод о том, что не в средних (а тем более в высших) слоях общества надо искать наиболее пострадавшую от кризиса часть наших сограждан, а в массах и беднейших слоях. Растущая от месяца к месяцу доля российской бедноты — это и есть основное социальное последствие разразившегося кризиса¹⁶.

Таким образом, анализ данных конкретных социологических исследований 1996—1998 гг. очевидно свидетельствует о том, что систематическое ухудшение условий жизни подавляющей массы населения формирует в обществе особый социально-психологический фон, доминирующими чертами которого являются чувство повышенной тревожности, страх перед будущим, фрустрирующее самосознание. Такое социальное самочувствие можно определить понятием «социальный стресс» и оценить как неудовлетворительное, поскольку его содержание и энергетику составляют сугубо негативные настроения и чувства.

Именно ими задаются мотивы электорального поведения, когда решения «принимать или не принимать участие в выборах» и «за кого (или точнее) против кого проголосовать» принимаются ситуативно, под влиянием не столько рационального выбора, сколько под давлением морально-психологических факторов.

Вместе с тем необходимо уточнить, что доминирование последних еще не означает, что окончательный выбор осуществляется исключительно по однофакторной модели. В реальной элек-

торальной практике любой гражданин в той или иной степени испытывает воздействие и собственного политического опыта, и общественного мнения, и средств массовой информации, и других внешних и внутренних факторов.

ТЕМА 3. УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ И КУРСУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Одним из важнейших факторов, влияющих на степень политической активности граждан и мотивацию их электорального поведения, является уровень доверия к основным политическим институтам.

По мнению большинства аналитиков, отношение основной массы населения к российской государственной власти в последние несколько лет можно охарактеризовать как всеобъемлющий кризис доверия.

Материалы мониторинговых социологических опросов показывают, что недостаточная дееспособность федеральных и региональных органов государственной власти и местного самоуправления вызвала острое беспокойство у большинства российского населения уже в течение ряда лет. Реальный общественный авторитет ключевых субъектов властных отношений — Президента и Федерального правительства, а также палат Федерального собрания России — неуклонно падал и достиг низших отметок. Иначе говоря, кризис доверия к власти в общественном мнении назревал длительное время. Хронические нарушения финансовых обязательств государства перед обществом, правовая чехарда в 1998 г. переполнили чашу социального терпения и вызвали неординарные акции социально-политического протеста.

Но оценки дееспособности власти связаны не только с неблагоприятной экономической конъюнктурой и ухудшением социального положения в стране. Все большее количество людей обеспокоено нагнетанием, по их мнению, политической обстановки. При этом, если раньше опасались в основном дестабилизации политической ситуации в стране в целом (из-за военного конфликта в Чечне и противоборства ветвей власти), то теперь немалая часть опрошенного населения отмечает ее обострение вследствие резкого ухудшения условий жизни.

Большинство участников социологических опросов считают, что политическая обстановка в стране напряженная или взрывоопасная. Так, по данным Информационно-социологического центра РАГС (1998 г.) более 70 % опрошенных придерживаются такого мнения. При этом только 40 % респондентов высказывают аналогичное мнение относительно политической обстановки в регионах¹⁷. Следовательно, главным источником политической нестабильности в глазах населения являются центральные (федеральные) властные структуры.

На этом фоне неблагоприятную роль сыграли политические стычки между «президентской командой» и Государственной думой России летом 1998 г. по кадровым вопросам в высших эшелонах исполнительной власти, которые обернулись затяжным процессом смены Федерального правительства. Не способствовали росту доверия к власти также некоторые декларации о намерениях С.В. Кириенко, назначенного руководителем правительства. На ожидания общества нормализовать управление страной силами нового правительства в интересах большинства он по сути ответил тезисом П.А. Столыпина, который заявил в свое время Думе: «Господа, правительство отвечает лишь перед государем, но не перед вами». В частности, на вопрос, «что сейчас преобладает в политическом руководстве страной», получены такие ответы (см. табл. 4).

Таблица 4

**Особенности политического руководства страной
(в % от количества каждой из выделенных категорий опрошенных)**

Суждения опрошенных	Полит. элита	Работн. центр. аппаратов министерств	Служащие регион. структур власти	Население
Демократия	6,5	2,3	4,8	2,3
Администрирование аппаратных чиновников	28,3	16,0	17,9	12,3
Едиличные решения высших руководителей	23,9	29,8	27,6	19,8
Полная неразбериха	37,0	29,0	31,5	52,8
Затрудились ответить	4,1	22,9	18,2	12,8

Наконец, по данным опросов населения, во взаимоотношениях между гражданами и представителями органов власти преобладает в лучшем случае равнодушие, в худшем (и это значительно чаще) — недоверие и неприязнь¹⁸ (см. рис. 7).

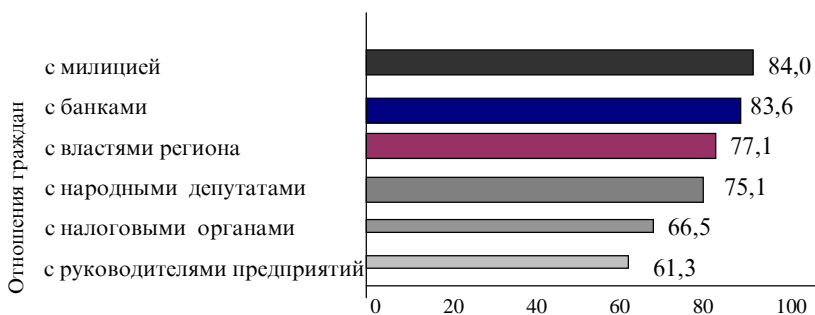

Рис. 7. Доля опрошенных респондентов, указавших на преобладание негативизма или полного равнодушия в отношениях граждан с различными структурами политической и экономической власти (в % от количества опрошенного населения)

Совокупность полученных данных свидетельствует о том, что в стране сложился авторитарный режим власти в классическом виде. Отступлением от известной схемы является лишь то, что отечественный авторитаризм в государственном управлении утвердился демократическим путем и опирается на плебисцитарный тип демократии. Остальные хрестоматийные признаки авторитаризма (хотя все аналогии несут печать условности) налицо:

- концентрация власти в руках Президента, а в регионах — губернаторов при отсутствии реального парламентского и общественного контроля;
- кризисное состояние общества;
- ограниченность контроля власти над экономикой и развитием социальной сферы;
- периодическое отстранение от власти дискредитировавшей себя в глазах населения правящей группировки;
- отсутствие в стране развитой партийной системы, демократической традиции;
- утрата обратной связи власти с населением, своеобразным возмещением которой становятся массовые акции протеста;
- в итоге — неустойчивость режима власти, чреватая переходом в дальнейшем либо к тоталитаризму, либо к демократии.

Воззрения россиян на государство складываются из их ответов на вопросы — как оно призвано взаимодействовать с обществом и как это делает на практике.

Восприятие большинством людей своих взаимоотношений с государством выражается в том, что они, опираясь на собственный и мировой опыт, трактуют либеральные ценности (гражданские свободы и др.) в контексте социально ориентированного государства — вкуче с социальным равенством, государственным регулированием экономики, охраной труда, социальными гарантиями. Органическое сочетание либеральных ценностей с выполнением государством его обязанностей перед обществом является для большинства населения главным условием поддержки государства и уважения к власти. Именно в этом ключе проявляется заинтересованность в наведении порядка, в укреплении власти и преодолении политических конфликтов. Отметим, что 40 % опрошенных выразили мнение, что самое важное сегодня для вывода России из кризиса — достижение единства действий всех ветвей власти.

Но в реальности произошло «разгосударствление» всех направлений социальной политики, а внутренние конфликты во власти стали доминировать над интересами общества и гражданина.

Многие люди платят государству той же монетой — отказываются от гражданской ответственности, уклоняются от военной службы, от выплаты налогов и т. д. Неудивительно, что на вопрос «кого хотели бы Вы поддержать в выводе России из кризиса?» 56 % выразили безусловную вербальную поддержку «сильной политической личности», только 15 % — Президента и Правительства, столько же — Федерального собрания России. Это служит показателем того, что немалая часть населения не возражала бы против прихода к власти «сильной руки» как альтернативы авторитарной, но бессильной государственной власти.

Характеризуя оценочное отношение граждан к органам власти и к их деятельности, следует подчеркнуть явное преобладание в нем негативных позиций, подобное тому, кстати говоря, которое наблюдалось в канун развала СССР. В чем именно это проявляется?

Во-первых, сегодня, как и в 1991 г., доминантой общественного настроения является ощущение надвигающейся и почти неотвратимой социальной катастрофы.

Во-вторых, имело место и налицо в настоящее время противоборство между высшими государственными органами страны и региональными государственными элитами за властные

полномочия в дележе государственного «пирога» — собственности и финансовых ресурсов. В этом противостоянии не менее половины опрошиваемого населения, не желая развала страны, все же больше склонны поддерживать республиканские (в составе России) и региональные органы власти.

В-третьих, как в прошлом, так и ныне развитие демократических начал и правовой основы жизнедеятельности общества не подкреплено надлежащим механизмом государственного управления. В нем, по мнению большинства опрошиваемого населения, атрофированы дисциплина исполнения, уважение к правам и частной жизни граждан. Особенно часто нелицеприятные оценки адресуются милиции. Вышесказанное иллюстрирует табл. 5.

Таблица 5

Мнения граждан о доминирующих отношениях между ними и структурами государственной власти¹⁹ (% от количества опрошенного населения)

Варианты оценок доминирующих отношений между рядовыми гражданами и органами власти	Региональные администрации	Милиция	Налоговые инспекции
Доверие	2,7	2,5	2,6
Скорее доверие	10,8	6,6	5,9
Равнодушие	31,6	13,9	14,3
Скорее недоверие	22,3	29,6	23,5
Недоверие	23,0	40,7	28,5
Затрудняюсь ответить	9,4	6,7	25,2

В-четвертых, экономическая реформа, как в свое время перестройка, утратила привлекательность в обществе, в силу того, что каждый очередной год, прожитый в период реформ, представляется большинству россиян более трудным, чем предыдущий.

Наконец, в-пятых, в нынешнее время потенциал социально-го протеста превысил показатели, которые фиксировались в исследованиях семь лет назад. Так, например, в феврале 1991 г. поддерживали митинги и демонстрации против политики властей 42 % опрошенного населения, забастовки — 46 %; в июле 1998 г. эти показатели составили соответственно 55 и 48 %. Кроме того, сейчас 22 % считают вполне допустимыми такие отчаянные акции протеста, как блокирование железных и автомобильных дорог²⁰.

В отношении российского населения к государственной власти всегда имело место личностное восприятие высших должностных лиц и государственных чиновников. По традиции, власть

представлялась привлекательной и «своей» прежде всего при высокой популярности главных государственных деятелей.

Утверждение плебисцитарного типа демократии в российском обществе придало этой традиции легитимность всенародно-го избрания и обусловило ряд проблем. При наличии солидного ресурса личной популярности избранный лидер, например, для разрешения конфликта во власти или обществе может инициировать проведение референдума, то есть обратиться напрямую к народу. Так поступал Б.Н. Ельцин.

Но как складывается ситуация при утрате ресурса личной популярности главой власти или, скажем, при заведомом отсутствии этого ресурса у лица, избранного мизерным количеством голосов? В этих случаях осуществляемые должностным лицом полномочия и действия не имеют реальной социально-политической основы.

Власть держится только на одной подпорке — всенародного голосования. Это обуславливает ее неустойчивость и стрессовые политические ситуации, что и наблюдается в нынешней российской действительности.

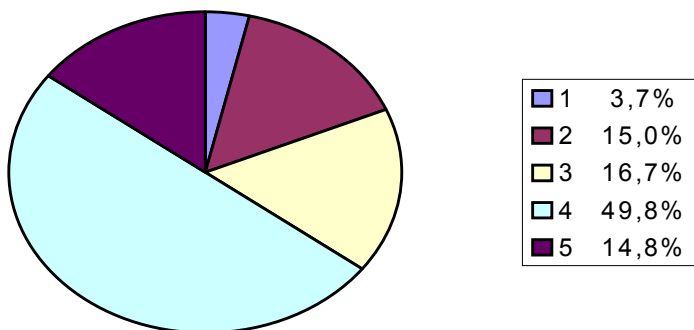
Второй существенный критерий выявления персонифицированного отношения населения к государственной власти выражается в оценке привилегий, которые, по мысли людей, законно или незаконно присваивают высшие и иные чиновники. Повышенная забота государственного аппарата о собственном благополучии (жилье, зарплате, транспортном обеспечении и пр.) всегда вызывает раздражение в обществе. Но в условиях резкого ухудшения жизни в стране (как это было на рубеже 90-х гг. и произошло теперь) наличие привилегий служащих государственного аппарата оборачивается ростом «социального негодования» в отношении к власти.

Второе связанное с этим обвинение общественного мнения в адрес государственного аппарата — коррумпированность; третья претензия — бездушное отношение к населению в целом и конкретным гражданам. На вопрос: «Если потребуется защита или срочная помощь, на чью поддержку вы рассчитываете?» — в ответах назвали органы власти только 5,9 % опрошенных. Два года назад рассчитывали на участие властей в судьбах граждан 12 % респондентов²¹. Аналогично, до нескольких процентов, уменьшилась доля рядовых граждан, надеющихся на справедли-

вое решение вопросов при их обращении в какие-либо государственные инстанции.

Доминирование отношения в обществе к государственной власти, как к «чужой», препятствует его консолидации в преодолении кризиса и весьма ослабляет государство. В этой связи, как представляется, проблема взаимодействия власти с народом из чисто политической и управленческой превращается в проблему обеспечения государственной безопасности и целостности страны.

Негативное отношение к органам государственной власти дополняется столь же негативной оценкой периода реформ²² (см. рис. 8).

1. Необходимый этап развития на пути к процветанию общества.
2. Период поиска с успехами и неизбежными ошибками.
3. Период временного, но поправимого кризиса.
4. Период неоправданных потрясений и трагедий.
5. Затруднились ответить.

Рис. 8. Оценки периода реформ (в процентах от количества, опрошенного населения)

Истоки нынешнего тотального кризиса российской экономики большинство населения видит в ошибочной экономической политике Президента, Правительства и Центробанка. По данным социологов Независимого института социальных и национальных проблем (1998 г.), причины кризиса кроются в следующем:

- в неудачной экономической политике правительства В.С. Черномырдина (55,8 % опрошенных);
- в непродуманной финансовой политике Центробанка (27,9 %);
- в подрывной политике Запада (27,1 %);
- в не соответствующей интересам страны деятельности финансовой олигархии, то есть банкиров (24,6 %);

- в ошибочной экономической политике правительства С.В. Кириенко (15,1 %) ²³.

Кризис будет затяжным — таков основной прогноз большинства населения. По оценкам трети россиян, кризис может продолжаться 5 лет и более. Оптимистов немного: считают, что кризис завершится до конца 1998 г. всего 1,8 %, до лета 1999 г. — 4,5 %, до конца 1999 г. — 7,6 % опрошенных. По мнению 15 % населения, кризис может продлиться 2—3 года. Затруднились ответить 40 % опрошенных.

Что же ожидает население в случае затяжного кризиса и ухудшении ситуации в стране? Ожидания, надо сказать, самые мрачные. Большая часть населения (свыше 70 %) предвидит крайние меры социального протеста. Среди них — массовые беспорядки, гражданская война, отставка Президента России Б. Ельцина; не исключают опрошенные и таких последствий, как установление диктатуры, приход к власти коммунистов, начало распада России ²⁴.

Хотя большинство россиян уже привыкло за годы реформ во всех трудных ситуациях надеяться, прежде всего, на себя, свои силы и возможности, тем не менее, от государства, нового правительства население ждет конкретных мер, способных ускорить выход страны из полосы тяжелого кризиса. Что же это за меры, по мнению российских граждан? ²⁵ (см. табл. 6).

Таблица 6

Какие меры по преодолению нынешнего кризиса в России россияне готовы поддержать, а какие — нет (в %)

	Меры	Поддерживают	Не поддерживают
1	Возврат в госсобственность стратегических отраслей экономики (ТЭК, металлургия и т.п.)	87,0	13,0
2	Уход Б. Ельцина в отставку	85,4	14,6
3	Установление госмонополии на продажу алкоголя и табака	80,6	19,4
4	Установление госконтроля над ценами	76,5	23,5
5	Возврат в госсобственность крупных предприятий, приватизированных в 1992–1998 гг.	75,5	24,5
6	Изъятия у «новых русских» незаконно нажитого богатства	64,9	35,1
7	Национализация коммерческих банков	57,5	42,5
8	Одновременные досрочные выборы Президента и Госдумы	53,3	46,7

Прежде всего, обращает на себя внимание поддержка значительным большинством граждан усиления роли государства в экономической сфере. Судя по всему, такие меры, как возврат в государственную собственность стратегических отраслей экономики, крупных предприятий, переданных в частные руки в 1992—1998 гг., установление государственной монополии на продажу алкогольных напитков и табачных изделий, а также государственный контроль над ценами основные слои населения рассматривают в качестве тех действий Правительства, которые могут реально помочь в преодолении кризиса в России.

Вместе с тем отчетливая установка большинства наших сограждан на необходимость экспроприации у «новых русских» несправедливо нажитого богатства вполне логично вписывается в устоявшиеся представления о российском коммерческом капитале как о в основном воровском, криминальном. И пока массы народа в стране будут влачить жалкое существование, внимание к проблеме «неправедного богатства» не ослабеет.

Что же касается мер политических, способных облегчить выход страны из кризисной ситуации, то наибольшей поддержкой среди них пользуется досрочная отставка Президента.

Особо следует отметить почти единодушное неприятие населением отмены или даже ограничения ряда гражданских и политических прав, которые при постоянных социально-экономических проблемах рассматриваются россиянами в качестве главных завоеваний нынешних реформ.

Таким образом, негативное отношение большинства населения, то есть потенциального электората, к политическим институтам и проводимой ими экономической политике является вторым по значимости фактором, определяющим мотивы электорального поведения. В совокупности с неудовлетворительным социальным самочувствием широких слоев населения кризис доверия к государственной власти создает благоприятную почву для формирования и проявления протестного типа электорального поведения.

ТЕМА 4. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ ЭЛЕКТОРАТА

Проблемой номер один в оценке социально-политической ситуации в российском обществе является выявление реальных ресурсов общественной политики существующего режима власти. По имеющимся опросным данным, доля населения, декларирующего свою готовность участвовать в акциях массового протеста в связи с общим ухудшением жизни, неуклонно растет, и достигла к середине 1998 г. отметки 25—30 % от количества опрашиваемых респондентов. Даже такую крайнюю во всех отношениях форму протеста, как блокирование железных и автомобильных дорог, считают вполне допустимой или нежелательной, но возможной 52,7 % опрошенного населения²⁶.

Этот индикатор усиления негативизма в массовом политическом сознании достаточно важен, но едва ли он сам по себе может рассматриваться как предвестник радикальных политических изменений. Их возможность определяется не столько внешними проявлениями настроения разрозненных людей, сколько политическими интересами и установками различных социальных слоев общества.

Исследователи политических процессов в современном российском обществе существенно расходятся в позициях, касающихся того, какие политические установки преобладают в обществе. Однако мало кто из них склонен преувеличивать зависимость мотивов электорального поведения от партийно-политических и идеологических предпочтений.

Большинство аналитиков отрицает беспочвенный, по их мнению, миф о «полевении» российского общества, об усилении влияния коммунистической идеологии и КПРФ, о росте ностальгических настроений. Так, по данным Независимого института социальных и национальных проблем, и до кризиса, и после его возникновения численность населения, отождествляющая себя со сторонниками коммунистической (социалистической) идеологии, оставалась в пределах 16—19 %. Практически не претерпела изменений и доля электората, изъявлявшего готовность и в апреле, и в октябре 1998 г. голосовать на парламентских выборах за КПРФ (соответственно 24,0 и 21,3 %), а на пре-

зидентских выборах — за Г. Зюганова (соответственно 14,6 и 15,4 %). Даже если взять область массовых политических верований, то и здесь авторы подобного мифа не найдут себе опоры. Как весной, так и осенью вероятность того, что в России в ближайшее время к власти могут прийти коммунисты, население оценивало не более чем в 40 %²⁷.

Социологи Российской академии государственной службы также полагают, что трансформацию политических установок различных социальных слоев не следует расценивать как признак «полевения» массового политического сознания. Материалы исследования не дают весомых оснований для вывода об усилении субъективной предрасположенности населения к КПРФ или другим политическим движениям левого блока. Например, удельный вес людей, симпатизирующих Коммунистической партии России, не мал: среди опрошенного населения он составляет 27,6 %, а среди государственных служащих региональных структур власти — 12,7 %. Но практически такая же потенциальная база социально-психологической поддержки была зафиксирована в исследованиях 1996 г. и предыдущих лет. Кроме этого, по полученным данным, такую же базу социально-психологической поддержки имеют политические силы, идеи которых выражают фракция «Яблоко» и движение «Наш дом — Россия». Статус-кво социально-психологической поддержки сохраняет и ЛДПР, которой симпатизируют 9,4 % опрошенного населения и к которой неприязненно относятся 44,1 % респондентов²⁸.

Следует подчеркнуть, что при одинаковой нелюбви россиян ко всем ветвям власти, в политическом выборе они руководствуются не партийными и классовыми пристрастиями, а идеями консолидации общества.

В частности, на вопрос о том какие политические преобразования сегодня больше всего нужны России, 44,4 % опрошенного населения высказались в пользу единства действий органов исполнительной и законодательной власти и 22,1 % — за усиление роли законодательной власти, судов, прессы, общественности в контроле над исполнительной властью²⁹.

Может быть, за «полевение» общества иные эксперты приняли сужение социальной базы либерально-радикальной идеологии? Так это вовсе не новость и не примета последнего вре-

мени. С 1993 г. наблюдается неуклонное уменьшение сторонников радикальных рыночных преобразований, численность которых за пять лет упала в 6 раз и составляет ныне всего 5,9 % населения. Но вовсе не к сторонникам КПРФ переходят «прозревшие» радикальные либералы, они пополняют ряды национал-патриотов (сторонников самостоятельного русского пути развития) и центристов (сторонников сочетания различных идей, избегающих крайностей). Их доля в составе населения осенью 1998 г. выглядела весьма внушительно и составляла соответственно 19,3 и 18,9 %³⁰.

Данная тенденция, обнаруженная специалистами разных исследовательских центров в 1998 г., набирала силу и в 1999 г.

Об этом, в частности, говорит тот факт, что в течение этого года предпринимались неоднократные попытки (Е.М. Примаков, Ю.М. Лужков, В.В. Путин) опереться на идеи централизма и патриотизма как на надежный идеологический базис политической деятельности.

В социологических исследованиях 1996—1998 гг. достаточно отчетливо зафиксирована еще одна важная тенденция. Одной из характеристик политического сознания русского народа до последнего времени был крайне низкий уровень этноцентризма. Однако ситуация по всей видимости, начинает постепенно меняться. Распределение ответов на вопрос «что важно и что не очень важно сегодня для нашего общества?» представлено на диаграмме 5. Ответы респондентов отражают определенный спектр ценностных представлений, в котором идея «нации» приобрела весомое значение³¹ (см. рис. 9).

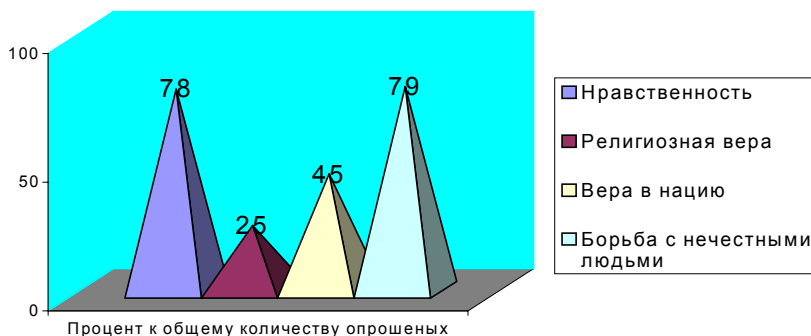

Рис. 9. Политические ценности респондентов

В данном случае важно не столько количественное выражение ценности веры в нацию, сколько понимание того, как прочно она закрепилась в общественном сознании. Чтобы исследовать эту проблему, следует, во-первых, создать отдельную подвыборку, состоящую из тех респондентов, которые выбрали ответы «вера в нацию», и, во-вторых, провести кластерный анализ с целью поиска устойчивых «синдромов» коллективного сознания.

Прежде всего, в общественном мнении и СМИ термин «национальный» применительно к спектру политических сил отождествляется с «национально-патриотическим» движением, ядром которого являются структуры КПРФ.

Однако результаты исследования говорят о формировании относительно самостоятельной группировки коллективного политического сознания, для которой политическая ценность веры в нацию не связана с партийно-политической идентификацией, в частности, с КПРФ.

Вплоть до декабря 1999 г. просматривалась еще одна очевидная тенденция. Электоральные предпочтения тех или иных партий и движений соотносились с тенденциями изменения рейтинга доверия населения известным российским политикам. Общеизвестно, что персонификация власти в России очень велика. В политическом сознании россиян степень устойчивости основ массового движения обусловлена имиджем, популярностью его лидера. Это наглядно показано в ретроспективе на примерах «Выбора России» (Е. Гайдар) и движения «Наш дом — Россия» (В. Черномырдин), олицетворявших поочередно «партии власти» и завоевавших на выборах Государственной Думы в декабре 1995 г. соответственно 2,4 и 6,5 % голосов от списочного состава избирателей³².

В 1999 г. это проявилось особенно наглядно. Резкое падение популярности многих известных политических деятелей невозможно не заметить. Не касаясь причинно-следственных зависимостей падения популярности отдельных политических фигурантов, обратим внимание на то, что существенно снизились рейтинги многоопытных политиков — В.В. Жириновского, Ю.М. Лужкова, Е.М. Примакова, Г.А. Явлинского и др., что не могло не отразиться на степени доверия населения к политическим партиям, ими возглавляемым.

Иначе выглядит динамика предпочтений избирателей в их отношении к КПРФ. Анализ показывает, что выражение симпатий к коммунистам со стороны населения, если не законсервировалась, то очень мало подвержена динамике. Данные предвыборных социологических опросов, как правило, совпадают с результатами голосования избирателей во время выборов. Это свидетельствует о том, что у коммунистов стабильный электорат. «Дружеские» чувства к КПРФ и ее сторонникам в общероссийском опросе 1998 г. выразили в целом по общероссийской выборке 27,6 % опрошенного населения в возрасте 18 лет и старше, а антипатию к этой партии — 19,8 %³³.

Накануне выборов в Государственную Думу социологи прогнозировали, что за КПРФ и их союзников отдадут голоса от 20 до 30 % избирателей. Фактический показатель поддержки коммунистов составил 24,6 % от числа голосовавших.

Следует подчеркнуть известный социологам факт, что мотив поддержки партии очень слабо проявляется в электоральном сознании и поведении абсолютного большинства людей, которые не мыслят понятиями «левые», «центр», «правые». Точно также и участие в политической жизни через членство в партии свойственно незначительной части населения. Роль своеобразного камертона в сознании и поведении избирателей выполняют не партийные, а государственно-политические идеи, установки и побудительные мотивы.

Естественно, государственно-политические мотивы выбора сочетаются с другими мотивами, в числе которых могут появиться ранее неведомые. Например, исследования в 1998 г. показало растущее значение мотива веры в нацию и тесно связанной с ним ценностью религиозной веры. Немаловажно и то, что государственно-политические мотивы гражданского сознания проявляются на любых выборах. Для их актуализации, как показал исследовательский опыт, необходимы минимум два условия:

- наличие лидера, персонифицирующего привлекательные в обществе государственно-политические идеи (таким на первых Президентских выборах был Ельцин, на вторых — Лебедь; очевидно, на третьих — Путин);
- функционирование упомянутого ранее мобилизационного механизма.

Резюмируя изложенное, можно предположить следующее:

1. Характер, волеизъявления российских граждан на выборах Государственной Думы и тем более Президента страны будет скорее всего неформальным, пристрастным и осозанным.

2. Напористое участие партий и лидеров, которые отождествляются общественным мнением с существующим режимом власти и прежней государственной политикой, может усилить эффект политического отчуждения населения от них и стоящих за ними сил, что проявится в росте популярности политической оппозиции.

3. Неконституционные действия, аналогичные предпринятым в 1993 г. с целью нейтрализации КПРФ и других сил реальной оппозиции, едва ли оставят население безучастным и не найдут общественной поддержки.

4. Наиболее перспективный путь преодоления неустойчивости государственной власти и нормализации общего политического пейзажа — выдвижение конструктивной и популярной в народе программы перемен, обеспечение весомого участия в ее реализации Администрации Президента, Правительства и Федерального собрания.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что электоральное поведение российских граждан в условиях системного кризиса общества формируется и реализуется в значительной степени ситуативно, под воздействием объективных условий жизни и субъективного переживания собственного жизненного опыта. В силу того, что реальных изменений к лучшему в различных сферах общественной жизни практически нет, общество переживает состояние социального стресса. В таких условиях социальное самочувствие населения выступает доминирующим фактором мотивации электорального поведения. В конечном счете, социальное самочувствие обусловлено тем, как население оценивает уровень своего материального благосостояния. Поскольку более половины российских граждан живут за чертой бедности, и их уровень жизни продолжает снижаться, в обществе постепенно накапливается протестный материал.

Другим по важности фактором, предопределяющим электоральное предпочтение россиян, является уровень доверия к институтам власти и проводимой государством экономической политике. Низкий уровень доверия к властным структурам в со-

четании с неудовлетворительным социальным самочувствием населения дестабилизирует политическую жизнь общества, делает ее малопредсказуемой, а деятельность политических институтов — малоэффективной.

Анализ социологических данных последних лет показывает довольно слабую зависимость мотивов электорального поведения от партийно-политических и традиционных идеологических ориентаций.

Выводы

Противоречивый процесс становления института демократических выборов в Российском государстве в последнее десятилетие объективно обусловил значительный научный и практический интерес к исследованиям электоральной проблематике. Конечной целью многочисленных опросов общественного мнения является возможность максимально более точного прогнозирования избирательных кампаний.

Внимание социологов, политологов, специалистов публичной политики преимущественно направленно на изучение сиюминутных мнений, настроений, предпочтений избирателей, которые концентрированно выражаются в рейтингах лидеров политических партий и государственных деятелей. Однако в этом случае остаются скрытыми от глаз исследователей глубинные механизмы морального выбора и электорального поведения граждан. Решающее значение для влияния на характер электорального поведения имеют объективно существующие в обществе социально-экономические и политико-идеологические отношения, которые, в конечном счете, определяют социальную принадлежность тех или иных групп избирателей, социальный статус личности. В обществе переходного типа, каким является современное российское общество, эта закономерность проявляет себя еще более отчетливо, поскольку кардинальные изменения в экономике и политике порождают апатическое состояние общества, дезадаптацию значительных масс людей к условиям их жизни.

«Социологический замер» фактов сознания, то есть реальных интересов, идеалов, ценностей, установок людей, становится малопродуктивным, так как не сложилась новая политическая культура членов общества. Кроме того, в условиях кризиса материальных и духовных мнений для большинства населения связь между объективными факторами жизнедеятельности и конкретными актами электорального поведения значительно упрощается. Иначе говоря, политический выбор избирателя диктуется тем, как он оценивает свое материальное благополучие и социальное самочувствие.

Это вовсе не означает упрощения взаимосвязи между материальными и духовными, объективными и субъективными фак-

торами, но фиксирует особенность социальной ситуации, которую переживает российское общество на рубеже двух веков.

Особое место в работе занимает анализ эмпирических данных об электоральном поведении граждан Российской Федерации на выборах 1996—1998 гг. Вторичный анализ данных всероссийских опросов избирателей проводился по двум причинам. Во-первых, в качестве подтверждения или опровержения гипотез, а также результатов теоретического анализа автора. Во-вторых, в качестве попытки выяснения исходных методологических концептов авторов рассмотренных социологических проектов.

Проведенное исследование констатирует общую закономерность в практике социологических опросов, посвященных электоральной проблематике. Она заключается в том, что большинство исследователей сосредоточено на решении чисто утилитарных, прикладных задач. Они фиксируют факты или моделируют возможные типы поведения избирателя, но не анализируют, как правило, мотивы предпочтений электората. Таким образом, за пределами научного внимания остаются наиболее важные, латентные процессы в сознании и поведении людей.

В отдельных случаях имеет место упрощение сложной и противоречивой взаимозависимости объективных и субъективных факторов мотивации электорального поведения, когда тот или иной выбор избирателя непосредственно выводится из отдельно взятой (пусть и очень важной) социально-демографической характеристики или субъективной оценки уровня собственного материального благосостояния. Однофакторные объяснения, на наш взгляд, приводят к примитивизации проблемы. В частности, остаются «за кадром» вопросы, связанные с отношением населения к институтам власти, к политическим партиям и лидерам, к проводимым социально-экономическим реформам. Но главное — не учитывается, что связующим звеном между социальной принадлежностью и социальным статусом, с одной стороны, и выбором избирателя — с другой, является социальное самочувствие граждан, которое многомерно по своим характеристикам.

Анализ эмпирического материала показывает, что социальное самочувствие российских граждан можно охарактеризовать как стрессовое, угнетенное. Чувство безысходности парадоксальным образом переплетается в сознании масс с верой мессианского типа.

Социальное самочувствие, отражая действительное положение индивидов и социальных групп в условиях системного кризиса постсоветского общества, является той предпосылкой, которая задает характер социально-политических установок граждан, обуславливает их ситуативный характер. Поэтому, по нашему мнению, именно социальное самочувствие является определяющим фактором мотивации электорального поведения.

Исследование дает основание предположить, что партийная идентификация и идеологические установки не имеют существенного значения для объяснения мотивов того или иного выбора граждан. Однако они играют важную роль в электоральной активности населения. Так, абсентеизм не характерен для той категории граждан, которая четко идентифицирует себя с левыми политическими партиями, организациями и блоками, а также с коммунистической идеологией. Социальная база «левых», прокоммунистических организаций довольно устойчива, а электоральная активность — самая высокая.

Социальная база «правых» также практически неизменна, но существенно уступает по масштабам социальной базе левых партий и блоков. Организационная слабость «правых», амбициозность их лидеров, резкое падение либеральных ценностей и лозунгов в глазах поголовно обнищавшего населения являются причиной отхода от «правых» значительной части их электората после событий 17 августа 1998 г.

Те, кто отказался даже доверять либералам, вовсе не передали свои голоса в пользу «левых». Они заняли абсентеистскую позицию.

Большинство населения, проголосовавшего в июне 1996 г. за Б.Н. Ельцина на выборах Президента РФ, в 1998 г., согласно данным социологических исследований, сожалели о своем выборе. Однако за два года ситуация вновь изменилась — и изменилась к худшему.

Наиболее сложным предметом анализа данных социологических опросов 1996—1998 гг. является отношение к институтам власти и проводимому ими курсу социально-экономических реформ. Отмечена странная тенденция: преобладающее негативное отношение к институтам власти и социально-экономическим реформам сочетается с требованием продолжения этих реформ.

Это противоречие можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, большая часть населения, сохранившая воспоминания о прошлом, не желает возврата в дореформенные времена или понимает, что это в принципе не возможно. Во-вторых, в обществе созрело понимание того, что нынешнее положение еще более унижительно и ужасно. Поэтому требование продолжения реформ на самом деле есть требование выдвижения ясных целей и формирования нового курса социально-экономических и политических преобразований.

Обобщая результаты проведенного анализа, подчеркнем, что становление института плебисцитарной демократии в России — процесс сложный и противоречивый. Культуру демократических выборов нельзя освоить за одну избирательную кампанию. К сожалению, избирательные кампании в нашей стране в последние годы стали своеобразными полигонами «черных» избирательных технологий.

Однако социологический анализ электоральной практики в России, который проводится последовательно, в режиме мониторинга, позволяет обнаружить некоторые позитивные подвижки в развитии умений и навыков политического участия, политической культуры населения.

Примечания

¹ Комаровский В.С. Электоральное поведение // Социология власти. Информационно-аналитический бюллетень РАГС. 1998. № 4—5. С. 131.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 135.

⁴ Бойков В.Э. Политические ценности и гражданские позиции россиян // Социология власти. 1998. № 6. С. 13.

⁵ См.: Социология власти. Информационно-аналитический бюллетень. 1998. № 4-5, 6.

⁶ Бойков В.Э. Государство и общество // Социология власти. 1998. № 4-5. С. 143.

⁷ Там же. С. 146.

⁸ Подробнее: Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М., 1998.

⁹ Горшков М.К. Российский кризис в зеркале общественного мнения // Социология власти. 1998. № 6. С. 25—26.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Комаровский В.С. Указ. соч. С. 139.
- ¹³ Источник: Аналитический центр ИСПИ РАН Е: / KZR / kzt
поја 98 / Журнал дос. 30.12.98. ОРН.
- ¹⁴ Бойков В.Э. Государство и общество... С. 24.
- ¹⁵ Там же. С. 26.
- ¹⁶ Горшков М. К. Указ. соч. С. 26—29.
- ¹⁷ Бойков В.Э. Государство и общество... С. 15.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Бойков В.Э. Политические ценности и гражданские позиции
россиян. // Социология власти. 1998. № 6. С. 9.
- ²⁰ Там же. С. 10.
- ²¹ Там же. С. 11.
- ²² Там же. С. 10. Эти данные практически идентичны данным ИСП
РАН.
- ²³ Горшков М.К. Указ. соч. С. 30. Примечание: сумма ответов более
100 %, так как респонденты могли указать несколько причин.
- ²⁴ Там же. С. 31.
- ²⁵ Там же. С. 32.
- ²⁶ Бойков В.Э. Государство и общество... С. 18.
- ²⁷ Горшков М.К. Указ. соч. С. 34.
- ²⁸ Бойков В.Э. Государство и общество... С. 21.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Горшков М.К. Указ. соч. С. 34.
- ³¹ Бойков В.Э. Государство и общество... С. 22.
- ³² Бойков В.Э. Политические ценности и гражданские позиции
россиян... С. 14.
- ³³ Там же. С. 16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Е.К проблеме формирования среднего класса в России // *Вопр. экономики*. 1998. № 7. С. 78—87.
2. Автономов А. Общественный контроль на выборах: быть или не быть // *Власть*. № 2. 1996. С. 66—68.
3. Андрееенкова Н. Доверие населения к органам власти // *Власть*. 1994. № 4. С. 55—58.
4. Андрющенко Е.Г., Дмитриев А.В., Тощенко Ж.Т. Опросы и выборы 1995 года // *Социс*. 1996. № 6. С. 3—18.
5. Ахременко А.С. Некоторые проблемы исследования электората политических партий и движений в современной России // *Вестник Моск. ун-та*. 1995. № 1. С. 69—71.
6. Бажанов В.А., Прокопьев А.И.. «Умом Россию не понять...» Об одной точке зрения на содержание российских реформ // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки*. 1998. № 4. С. 70—84.
7. Бельков О. Антиномии публичной власти // *Власть*. 1995. № 3. С. 54—58.
8. Бирюков Н.И. Возможно ли в современной России прогнозировать массовое электоральное поведение? // *Полис*. 1997. № 1. С. 113—114.
9. Бойков В.Э. Социально-политические факторы развития российского общества // *Социс*. 1995. № 2. С. 43—52.
10. Бунин И. Избирательная кампания: расстановка сил на старте // *Советник*. 1999. № 4 (40). С. 10—12.
11. Бызова Л.Г. и др. Современное российское общество: мотивация политических предпочтений // *Обновление России: трудный поиск решений*. Вып. 5. М., 1997. С. 144—151.
12. Ваган И.С. Интересы электората и партийные программы // *Вестник Моск. ун-та*. 1995. № 1. С. 71—73.
13. Ванштейн Г. Сегодняшние мысли о предстоящем политическом выборе России // *Мировая экономика и междунар. отношения*. 1998. № 6. С. 37—47.
14. Васильев В. Общественное мнение и власть // *Власть*. 1994. № 4. С. 28—33.
15. В поисках социальной парадигмы (круглый стол) // *Социс*. 1995. № 10. С. 63—71.
16. Гавра Д.П., Соколов Н.В. Исследование политических ориентаций // *Социол. исслед*. 1999. № 1. С. 66—77.

17. Галкин А.А. Расстановка политических сил в электоральном преломлении: латентные факторы потенциального сдвига // Полис. 1997. № 1. С. 114—116.
18. Гельман В.Я. Избирательные кампании в России: испытание электоральной формулы // Полис. 1996. № 2. С. 84—100.
19. Гилязитдинов Д.М. Мотивы голосования на президентских выборах 1996 года // Социс. 1997. № 8. С. 20—24.
20. Головков А., Шахунянц А. «Патриоты» в отечественном политическом спектре // Независимая газета. 1998. 15 окт. С. 8.
21. Голосов Г.В. Идеологическое развитие партий и поля межпартийной конкуренции на думских выборах 1995 г. // Мировая экономика и междунар. отношения. 1999. № 3. С. 39—48.
22. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России // Полис.: Полит. исслед. 1997. № 4. С. 44—57.
23. Горяинов В.П. Динамика и прогнозирование рейтинга доверия политическим лидерам в России // Полис: Полит. исслед. 1997. № 4. С. 57—77.
24. Гуревич Л.Я. Особенности электорального поведения граждан Казахстана // Социс. 1996. № 5. С. 64—71.
25. Даль Р. Демократия и ее критики (главы из книги) // Россия XXI. 1998. № 3-4. С. 102—124; № 7-8. С. 116—138: табл.
26. Дембицкая О.Ю. Электоральная активность молодежи // Социс. 1996. № 12. С. 116—119.
27. Дурнов А.В. «Типичный регион»: динамика электорального поведения // Власть. 1999. № 1. С. 43—47.
28. Егорова М. Развитие политического процесса в Москве // Власть. 1998. № 8-9. С. 17—20.
29. Золотых А. Электорат повелел.// Российская Федерация. 1995. № 13. С. 57.
30. Зубков А.Б., Колосов В.А. Что ищет Россия? Ценностные ориентации российских избирателей 12 декабря 1993 года // Полис. 1994. № 1. С. 93—112.
31. Иванов В.Н. Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования // Соц.-полит. журнал. 1998. № 2. С. 42—58.
32. Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг, или как «продать» вождя // Полис: Полит. исслед. 1998. № 5. С. 88—100: табл.
33. Инглахарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис: Полит. исслед. 1997. № 4. С. 6—32.

34. Казенков С., Кумачев В. Финал предвыборной гонки: Ельцин — Зюганов? // Власть. 1996. № 4. С. 4—7.
35. Кисовская Н. Предприниматели и основные политические партии России (1991-1995) // Мировая экономика и международн. отношения. 1997. № 3. С. 87—100.
36. Клямкин И.М., Лапкин В.В. Дифференциация ориентаций в Российском обществе: факторы влияния // Полис: Полит. исслед. 1996. № 6. С. 96—119.
37. Ковалев В.А. Мажоритарная или пропорциональная система? Взгляд из республики Коми // Полис. 1998. № 5. С. 161—164.
38. Колесников А.Н. О роли социальных технологий в предвыборной борьбе // Социс. 1995. № 10. С. 27—31.
39. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Политические исследования. 1996. № 4. С. 33—43.
40. Комаровский В.С. Демократия и выборы в России: теория и история вопроса // Социс. 1996. № 6. С. 18—31.
41. Комаровский В.С. Политический выбор избирателя // Социс. 1992. № 3. С. 23—34.
42. Косова Л.Б. Факторы, определяющие электоральное поведение // Социология РЖ ИНИОН РАН. Серия 2. М., 1996. № 3. С. 138—149.
43. Кочетков А. Дума избрана. Кто займет президентское кресло // Власть. 1996. № 2. С. 63—66.
44. Кремелюк В. Три источника, три составные части российского кризиса // Власть. 1997. № 4. С. 27—35.
45. Куракина Л.М. Активность избирателей: проблемы анализа и регулирования // Соц.-полит. журнал. 1996. № 4. С. 235—243.
46. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. 1996. № 11. С. 52—59.
47. Левчик Д.А., Левчик Э.Г. Типы политического поведения населения // Социс. 1997. № 12. С. 24—34.
48. Левчик Д.А. Основные элементы электорального права и их применение в российском законодательстве 1992-1994 // Кентавр. 1994. № 5. С. 105—115.
49. Лепехин В. Парадоксы избирательного законодательства // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 27—31.
50. Лужков Ю. Мертвая экономическая среда и настроения избирателей // Власть. 1996. № 2. С. 13—16.

51. Мадатов А.С. Проблемы политического участия в демократическом процессе // Соц.-гуманит. знания. 1999. № 2. С. 228—248.
52. Макфол М. Осмысление парламентских выборов 1993 в России // Полит. исслед. 1999. № 5. С. 124—138; № 6. С. 179—186.
53. Макаревич Э. Противоречие между технологиями «паблик рилейшнз», демократией и свободой личности // Диалог. 1998. № 8. С. 10—18.
54. Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения // Обществ. науки и современность. 1998. № 6. С. 85—97.
55. Марченко Г.В. Россия между выборами: (Социополитический анализ и прогноз состояния электората) // Полис. 1996. № 2. С. 101—113.
56. Мелешкина Е.Ю. Особенности электорального поведения на федеральных, региональных и местных выборах в Самарской области // Полис. 1998. № 5. С. 164—166.
57. Ослон А., Петренко Е. Факторы электорального поведения: от опросов к моделям // Вопросы социологии. 1994. № 5. С. 3—27.
58. Охотский Е., Шмарковский Л. Выборы-95: три дня до и после // Власть. 1996. № 2. С. 54—60.
59. Панарин И. Как стать Президентом России в 2000 году? // Власть. 1999. № 7. С. 9—16.
60. Пастухов В.Б. Перспективы посткоммунистического консерватизма и президентские выборы: (Конспект ситуации) // Полис. 1996. № 2. С. 75—129.
61. Петренко Е. От президентских выборов до губернаторских выборов // Открытая политика. 1997. № 1. С. 74—80.
62. Петренко Е. Региональные выборы: предварительные результаты и выводы // Власть. 1997. № 1. С. 27—32: табл.
63. Петухов В., Рябов А. Рациональные сдвиги в сознании россиян // Власть. 1994. № 4. С. 51—55.
64. Петухов В.В. Политическое участие россиян: характер, формы, основные тенденции // Власть. 1999. № 1. С. 48—59.
65. Пилипенко В.А., Стризов А.Л. Политическая власть и общество: контуры методологии исследования // Социол. исслед. 1999. № 6. С. 145—152.
66. Пищулин Н.П. Политическое лидерство и электоральный процесс // Полис: Полит. исслед. 1998. № 5. С. 145—152.

67. Поливаева Н.П. Политическое сознание россиян в 90-е годы: состояние и некоторые тенденции развития // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки. 1997. № 5. С. 38—53.
68. Пугачев В. Российское государство: попытка политологического аудита // Власть. 1997. № 12. С. 9—16.
69. Ракитянский Н. Политический альянс и регуляторы поведения его участников // Власть. 1997. № 4. С. 48—51.
70. Ротман Д. Электоральные исследования: сущность и технология // Социол. исслед. 1998. № 9. С. 63—68.
71. Рукавишников В.О. Политическая культура постсоветской России // Соц.-полит. журнал. 1998. № 1. С. 43—53.
72. Салмин А.М. Выборы 1995—1996 гг. и трансформация политического режима в Российской Федерации // Полис. 1997. № 1. С. 119—122.
73. Сергеева Е.Я. О методологии исследования электорального поведения россиян // Социс. 1996. № 7. С. 115—118.
74. Серебрянников В. Армия на выборах: уроки для политиков // Власть. 1996. № 2. С. 46—49.
75. Ситдыкова К.Р. О многопартийной системе в современной России // Вестник Моск. ун-та. 1995. № 1. С. 77—78.
76. Социологическое обеспечение избирательных кампаний (круглый стол) // Социс. 1996. № 4. С. 80—90.
77. Страхов А.П. Особенности политического поведения российских избирателей: политико-культурный аспект // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки. 1998. № 5. С. 17—35.
78. Строев Е.С. Центральная Россия на рубеже XXI века // Социс. 1995. № 10. С. 38—44.
79. Сумбатын Ю. Россия: авторитаризм или демократия // Власть. 1994. № 4. С. 58—62.
80. Тавокин В.П. Социологическое прогнозирование электорального поведения // Социс. 1996. № 7. С. 15—20.
81. Терещенко А.Г. С.Липсет о социальных основах поведения избирателя // Соц.-полит. журнал. 1996. № 4. С. 186—196.
82. Типология массового сознания в современном политическом спектре России // Власть. 1998. № 1. С. 14—25.
83. Топоров В.Л. Виртуальная реальность выборов // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 24—30.
84. Тощенко Ж.Т. Достояна ли политическая экспертиза своего высокого предназначения? // Власть. 1996. № 4. С. 56—60.

85. Тощенко Ж.Т. О парадоксах общественного сознания // Социс. 1995. № 2. С. 3—12.
86. Туманов С.В. Молодежь и политика // Власть. 1998. № 6. С. 49—61: табл.
87. Туманов С.В., Бурыйкин И.Г. Электорат России в 1993 году // Социс. 1995. № 9. С. 22—44.
88. Холодковский К. Политические партии России и выборы 1995—1996 гг. // Мировая экономика и междунар. отношения. 1997. № 2. С. 35—45: табл.
89. Чугров С.В. О региональной фрагментации российского политического сознания // Мировая экономика и междунар. отношения. 1998. № 1. С. 29—41.
90. Чугров С.В. Электоральное поведение российских регионов // Мировая экономика и междунар. отношения. 1996. № 6. С. 27—39.
91. Шевченко Ю.Д. Конфликт между ветвями власти и электоральное поведение в России // Мировая экономика и междунар. отношения. 1999. № 1. С. 82—89.
92. Шевченко Ю.Д. Политическое участие в России // Pro et Contra. 1998. Т.3. № 3: На путях к демократии. С. 87—97.
93. Шевченко Ю.Д. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России // Полис: Полит. исслед. 1998. № 1. С. 130—136: табл.
94. Шейнис В.Л. Пройден ли исторический рубеж? // Полис. 1997. № 1. С. 84—96.
95. Шереги Ф.Э. Электоральная ситуация в России // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 5. М., 1997. С. 156—168: табл.
96. Шестопап Е., Петренко Е. Итоги 1996 года: произошла ли отмена политического стиля? // Власть. 1997. № 3. С. 44—48.
97. Шестопап Е. Оценка гражданами личности лидера // Полис: Полит. исслед. 1997. № 6. С. 57—72: табл.
98. Шешукова Г. Авторитет власти в российской провинции: Опыт исследования политической культуры электората // Открытая политика. 1998. № 1. С. 90—93: табл.
99. Янов А. Россия: альтернативы развития // Власть. 1996. № 1. С. 39—46.
100. Яковлев И. Предвыборная борьба в средствах массовой информации // Власть. 1996. № 2. С. 49—54.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Тема 1. Проблема неучастия российских избирателей в голосовании	5
Тема 2. Социальное самочувствие как доминирующий фактор мотивации электорального поведения	13
Тема 3. Уровень доверия населения к политическим институтам и курсу экономических реформ	26
Тема 4. Партийно-политические и идеологические ориентации электората	35
Выводы	42
Список литературы	47

Для ЗАМЕТОК

Для ЗАМЕТОК

Учебное издание

Охременко Ирина Владимировна

**ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА
КОНЦА 90-х ГОДОВ XX ВЕКА**

Учебное пособие

В двух частях

Часть 2

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *С.А. Астахова, Н.В. Горева*
Технический редактор *М.Н. Растегина*
Художник *Н.Н. Захарова*

ЛР № 020406 от 12.02.97

Подписано в печать 06.03 2002 г. Формат 60×84/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 3,2.
Уч.-изд. л. 3,5. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 26.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.